

ГОДЪ ВЪ ВЕНГРИИ.

Очерки и замѣтки.

(Продолженіе)¹⁾.

II. Отъ Будапешта до Темешвара.

Ваннымъ утромъ усѣлся я въ вагонъ скорого поѣзда Будапештъ — Оршова — Бухарестъ. Тронулись въ путь. Замелькали столбы, будки и прочіе атрибуты желѣзныхъ дорогъ. Дорога проходитъ по Великой Венгерской равнинѣ (Надъ Альфѣльдъ), которую я имѣю возможность лицезрѣть самолично.

Миновавъ предмѣстья Будапешта, нашъ поѣздъ понесся по гладкому, какъ столъ, Альфѣлду. Куда ни кинешь взглядъ—всюду необозримая равнина, на которой, какъ оазисы, то здѣсь, то тамъ мелькаютъ усадьбы (танья), обсаженные высокими пирамидальными тополями. Каждая усадьба состоитъ изъ одного или двухъ жилыхъ домовъ, конюшни и нѣсколькихъ сараевъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 4.

Первая отъ Будапешта большая станція—Цегледь, около города того же имени. Станція очень оживленная. Мадыарская рѣчь такъ и трещитъ повсюду. Чувствуешь, что находишься въ настоящей Венгріи.

Ѣдемъ дальше и опять равнина, опять одинокія маленькія усадьбы, окруженныя стройными тополями.

Быстро мелькають одна за другой маленькія станціи, которыя нашъ поѣздъ проходитъ не останавливаясь.

У меня въ купѣ нашелся собесѣдникъ. Типичный мадыарь-помѣщикъ, владѣлецъ большихъ земельныхъ участковъ и виноградниковъ у Кечкемета. Онъ по-нѣмецки изъяснялся довольно плохо и видимо говорилъ на этомъ языкѣ съ большою неохотой.

Я тоже не могъ похвастать бѣглостью мадыарской рѣчи, но какъ это всегда бываетъ, когда два человѣка имѣютъ сильное желаніе поговорить между собою, всѣ пренятствія отпадаютъ. И мы отлично стали изъясняться другъ съ другомъ на нѣмецко-мадыарскомъ смѣшанномъ нарѣчїи, дополняя его соотвѣтствующими жестами.

Моего собесѣдника крайне изумило и заинтересовало то обстоятельство, что я—русскій. Онъ мнѣ откровенно признался, что никогда не видалъ русскихъ и представлялъ себѣ ихъ совсѣмъ особенными людьми. На этомъ пунктѣ наша бесѣда нѣсколько усложнилась, такъ какъ я никакъ не могъ точно понять, на какую именно «особенность» напираетъ мой собесѣдникъ. А онъ, въ свою очередь, какъ на грѣхъ, не могъ подобрать подходящихъ словъ, чтобы пояснить свою мысль. Наконецъ, разгадка нашлась: онъ воображалъ, что всѣ русскіе носятъ или казачій чекмень, или красную рубаху! и никакъ не ожидалъ увидѣть русскаго человѣка въ европейскомъ костюмѣ.

Вообще, какъ я убѣдился, о Россіи и о русскихъ понятія здѣсь самыя примитивныя, а въ большинствѣ случаевъ даже фантастическія. Такъ, напримѣръ, мой собесѣдникъ былъ прямо ошеломленъ, когда я ему разсказалъ, что въ Россіи строятъ паровозы и что російскія желѣзныя дороги по размѣщенію пассажировъ гораздо удобнѣ венгерскихъ и австрійскихъ.

Но вотъ подъѣзжаемъ къ Кечкемету, гдѣ мой помѣщикъ долженъ вылѣзть. Распростившись съ нимъ, я опять началъ глазѣть въ окно.

Кечкеметъ довольно большою, чисто мадыарскій, городъ съ 60-и тысячнымъ населеніемъ весь утопаетъ въ садахъ и виноградникахъ. На песчаной почвѣ произрастають особыя сорта винограда, не боящіеся филлоксеры.

Кечкеметскія вина въ Венгріи называютъ «хомоки боръ», т.-е. въ переводѣ на русскій языкъ: «песчаное вино» или «песочное вино».

Послѣ недолгой остановки тронулись далѣе, оставляя позади себя Кечкеметъ, замѣчательный еще и тѣмъ, что весной 1911 года его здорово потрепало землетрясеніе.

Опять понеслись по безконечной Венгерской равнинѣ. Но усадьбы стали замѣтно рѣдѣть. До Кечкемета съ любой точки пути и въ любую сторону было видно пять-шесть усадьбъ; теперь же—не болѣе двухъ-трехъ. Безъ конца тянутся пахотныя поля и пастбища. Кое-гдѣ виднѣются небольшія озерки и болотца, да мелькнетъ иногда на высокомъ столбѣ коромысло степного колодца.

Приближаемся къ Сегедину (или точнѣе—къ Сэгэду). По величинѣ и населенію это—второй городъ послѣ Будапешта. Въ 1879 г. этотъ городъ, находящійся почти въ самомъ центрѣ Великой Венгерской равнины при слияніи Тиссы и Мароша, подвергся страшному наводненію. Масса человѣческихъ жертвъ, почти полное разрушеніе всѣхъ домовъ, совершенное уничтоженіе всѣхъ посѣвовъ, всего скота и всѣхъ окрестныхъ селеній—вотъ что было послѣдствіемъ этого наводненія.

Но мадьяры—народъ упорный: насиженные мѣста они не скоро покидаютъ. Сэгэдъ мало-по-малу отстроился опять и сталъ, какъ говорятъ старожилы, еще красивѣе. А для страховки отъ наводненій мадьярскіе инженеры урегулировали русло р. Тиссы и обнесли весь городъ высокими дамбами.

По дамбѣ и мчится нашъ поѣздъ, а внизу мелькаютъ небольшіе деревянные домики пригорода.

Стѣны этихъ домиковъ сплошь завѣшены пучками краснаго перца, высушиваемаго на солнцѣ. Этотъ перецъ называется здѣсь «паприка» и играетъ немаловажную роль въ произведеніяхъ мадьярской кухни.

Наконецъ, поѣздъ остановился у большого вокзала.

За 10 минутъ много съѣсть не успѣешь, но закусить слегка—возможно. На платформѣ заманчиво бѣлѣютъ столики вокзального ресторана. Подозвавъ къ себѣ кельнера (по-мадьярски—пинцеръ), я попросилъ поскорѣе мнѣ чего-нибудь закусить и выпить. Мое произношеніе сначала поразило «пинцера», но потомъ его до глубины души тронуло то обстоятельство, что иностранецъ, хотя и скверно, но старается говорить по-мадьярски (а въ Венгріи это особенно цѣнить).

Черезъ полъ-минуты передо мной стояли: кружка пильзенскаго пива, пресбургская ветчина и тонкими струйками пара дразнилъ обоняніе «чирке-паприкашъ» — мадьярское блюдо — цыплята, приготовленные съ паприкой.

Еле-еле успѣлъ проглотить все это, а кондукторъ уже сталъ усиленно приглашать всѣхъ садиться въ вагоны.

Тронулись дальше. Переѣхали мостъ черезъ р. Тиссу, единственный большой мостъ на трехсоткилометровомъ участіѣ Будапештъ — Темешваръ, и Сэгэдъ съ его красивыми зданіями на правомъ берегу рѣки быстро скрылся изъ глазъ за поворотомъ пути.

Опять ѣдемъ по безконечной равнинѣ, на которой и усадебъ почти совсѣмъ не видно.

На станціи Надь-Кикинда ко мнѣ въ купэ сѣло трое пассажировъ. Присматриваясь къ нимъ, я рѣшилъ, что это — не мадьяры. Въ лицахъ ихъ было что-то знакомое, родное. Когда же они заговорили на славянскомъ нарѣчій, то я сразу узналъ сербовъ. У насъ скоро завязался оживленный разговоръ (къ сожалѣнію, на нѣмецкомъ языкѣ). Мои собесѣдники были крайне удивлены, когда узнали, что я — русскій. Они оказались купцами изъ Надь-Кикинды, города, гдѣ, по ихъ словамъ, болѣе $\frac{3}{4}$ населенія — сербы. Да и вообще въ Южной Венгріи — много сербовъ. Такіе города, какъ Надь-Вечкерекъ, Панчова и упомянутая выше Надь-Кикинда, почти сплошь заселены ими.

Сербы здѣсь вполне акклиматизировались и съ успѣхомъ занимаются торговлей, садоводствомъ, огородничествомъ, выдѣлкой ковровъ. Всѣ сербы, живущіе въ Южной Венгріи, состоятъ въ венгерскомъ подданствѣ, отлично говорятъ по-мадьярски и по-нѣмецки, но всѣ безъ исключенія исповѣдуютъ православіе. Во всѣхъ значительныхъ городахъ Южной Венгріи имѣются православныя сербскія церкви.

Въ разговорѣ быстро прошло время и мы уже приближались къ Темешвару. И направо, и налево — гладкая, какъ столъ, равнина. Вдали виднѣются фабричныя трубы и городскія зданія.

III. Темешваръ.

Нашъ поѣздъ подлетѣлъ къ Темешварскому вокзалу. Красивое, большое и стильное зданіе.

Носильщикъ забралъ мои вещи и потащилъ ихъ въ ближайшую гостиницу, находящуюся противъ вокзала. По какому-то случаю

гостинница эта оказалась переполненной и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось получить маленькій темный номерокъ съ окномъ и дверью, выходящими на веранду, около которой на открытомъ воздухѣ стояли столики ресторана.

Приведя себя послѣ дороги въ порядокъ, я рѣшилъ немного погулять по городу, тѣмъ болѣе, что было еще 3 часа дня, да и послѣ пятичасового сидѣнія въ вагонѣ пріятно было поразмяться.

Выйдя на улицу и пройдя мимо ряда гостинницъ и парикмахерскихъ, сгруппировавшихся у вокзала, я былъ крайне удивленъ, увидѣвъ шествующихъ важно по улицѣ курчавыхъ черныхъ свиней. Густая вьющаяся шерсть покрывала все туловище. Точно овцы со свиными мордами.

Первое впечатлѣніе Темешваръ на меня произвелъ не особенно важное. Улица, идущая отъ вокзала, хотя и широка, но вымощена плохо. Между трамвайными рельсами растеть трава. Дома одноэтажные, трехэтажные, четырехэтажные, новые, старые стоятъ какъ-то вперемежку.

Часто попадаются большіе склады земледѣльческихъ машинъ. Нѣкоторыя машины стоятъ около тротуаровъ на улицѣ, очевидно, для обозрѣнія и ознакомленія.

Перешелъ мостъ черезъ Бегу—искусственный каналъ, вырытый для урегулировки водъ р. Темеша и осушки окрестныхъ болотъ.

Завернулъ на большую улицу. На дощечкѣ по-мадьярски обозначено: «Кошутъ Ляйошъ утца», что значитъ—улица Людвигъ Кошута.

Пройдя два квартала, насчиталъ пять сберегательныхъ кассъ. Видно темешварскіе граждане любятъ копить деньгу. По улицѣ снуютъ зеленые и желтые трамваи. Но вообще уличное движеніе не особенно оживленное. Правда, стоялъ довольно жаркій день—42° Р. и ни малѣйшаго вѣтра.

Гулять по пыльной улицѣ въ такую жару не особенно пріятно. Но на планѣ города обозначенъ невдалекѣ паркъ. Пробую добраться до этого парка.

Начинаютъ попадаться дома въ стилѣ модернъ съ какою-то примѣсю. Наконецъ, миновавъ небольшую площадь «Кютль-теръ», я шелъ уже по улицѣ «Гуніади», по обѣимъ сторонамъ которой высились большіе дома очень хорошей и отчасти оригинальной архитектуры.

Перейдя опять Бегу по старому желѣзному мосту я, наконецъ, попалъ въ «Шкудиръ-паркъ». Паркъ довольно тѣнистый; акаціи,

тополя и каштаны, а также елки—представительницы далекаго сѣвера—красовались здѣсь. На одной изъ площадокъ парка возвышается памятникъ браваго австрійскаго генерала. На пьедесталѣ обозначено: «Баронъ Антонъ Шкудиръ». Обратился я къ старичку-сторожу съ вопросомъ: чѣмъ собственно замѣчательнъ этотъ самый Шкудиръ? Старичекъ не сразу догадался въ чемъ дѣло, но потомъ, послѣ долгихъ разговоровъ, объяснилъ, что генераль Шкудиръ былъ комендантомъ Темешварской крѣпости и насадилъ этотъ самый паркъ, за что памятникъ заслужилъ и паркъ его именемъ назвали.

Въ иныхъ странахъ генераламъ ставятъ памятники за военные подвиги, а тутъ—за насажденіе парковъ!

Но жара и въ паркѣ донимаетъ. Пошелъ я изъ парка дальше. Пересѣкъ линію желѣзной дороги и прошелъ мимо ряда строящихся домовъ. Невдалекѣ виднѣются остатки крѣпостныхъ валовъ и громадныя кучи стараго кирпича—остатки снесенныхъ крѣпостныхъ сооруженій. Тутъ возвышается громадное строеніе—бывшій замокъ Гуніади.

Встрѣтившійся прохожій, къ которому я обратился съ разпросами, былъ чрезвычайно удивленъ, узнавъ, что я—туристъ безъ коммерческихъ побужденій. Оказывается, что Темешваръ посѣщаютъ исключительно съ коммерческими цѣлями, путешественниковъ же специалистовъ здѣсь почти не знаютъ.

По указанію моего случайнаго собесѣдника, я направилъ свои стопы въ кафэ «Кронпринцъ»—первоклассный ресторанъ, помѣщающійся въ зданіи театра.

Кафэ хорошо отдѣланное, простое и оригинальное. Офицеры, интеллигентные штатскіе, дамы сидятъ чинно за чашкой кофе или кружкой пива; читаютъ газеты и журналы; бесѣдуютъ. На трехъ или четырехъ столикахъ играютъ въ карты (въ здѣшнихъ кафэ это принято), два столика заняты игрою въ домино, а за однимъ сражаются шахматисты.

Прислуживавшій мнѣ кельнеръ, замѣтивъ, что я — посѣтитель изъ неизвѣстныхъ здѣсь, объяснилъ, что скоро начнетъ въ кафэ играть цыганскій оркестръ.

Время летитъ незамѣтно. Стрѣлка часовъ приближается къ восьми. Цыгане начали наигрывать залихватскій чардашъ, смѣнившійся звуками модной оперетки; затѣмъ изобразили пошпурри изъ «Карменъ».

Несмотря на будній день, кафэ полно народа. Видно, что оно въ Темешварѣ пользуется большою популярностью.

Однако, пора и на отдыхъ. Сѣлъ въ трамвай, идущій къ моему отелю. На улицахъ часто встрѣчаются переполненные народомъ кафэ, ярко освѣщенные электричествомъ. Льются звуки цыганскихъ оркестровъ.

При вечернемъ освѣщеніи городъ красивъ, да и жизнь уличная гораздо оживленнѣе, чѣмъ днемъ. Отъ жары всѣ попрятались днемъ по домамъ, а теперь вышли подышать, хотя и городскимъ, но все-таки свѣжимъ воздухомъ.

Спать хочется адски! Но, увы! мой номеръ находится на очень невыгодномъ для спанья мѣстѣ. Около веранды, куда выходятъ окно и дверь моей комнаты, немилосердно громко играетъ цыганскій оркестръ. Сидящая за столиками публика ведетъ себя также довольно шумно. Звуки музыки, гвалтъ, говоръ и хохотъ публики и примѣшавшійся ко всему этому визгъ женщинъ—создали такую какофонію, что сонъ мой окончательно пропалъ.

До пяти часовъ утра продолжался этотъ гвалтъ и затѣмъ все затихло. И все-таки заснуть мнѣ, послѣ этого затишья, не удалось. Напротивъ моего номера расположена была кухня, гдѣ съ пяти часовъ утра начали мыть посуду съ такимъ грохотомъ, звономъ и хохотомъ, что о снѣ и думать было нечего. Но въ головѣ созрѣлъ непоколебимый планъ уѣхать изъ этого номера во что бы то ни стало....

Утромъ, послѣ разговора съ портье, я выяснилъ, что этотъ несчастный номеръ предназначенъ вовсе не для спанья, а... для парочекъ, ищущихъ уединенія. Помѣстили же меня туда по недостатку свободныхъ комнатъ.

Въ тотъ же день я перебрался въ отель «Кронпринцъ», гдѣ получилъ, наконецъ, возможность спать по ночамъ.

IV. Прошлое и настоящее Темешвара.

Шестьсотъ лѣтъ тому назадъ окрестности теперешняго Темешвара представляли собой сплошныя болота.

Въ XV вѣкѣ король венгерскій Владиславъ назначилъ обергешпаномъ (губернаторомъ) Южной Венгріи знаменитаго венгерскаго полководца Гуніади. Гуніади выстроилъ замокъ на единственномъ пути, ведущемъ черезъ болота Южной Венгріи, и около этого замка сталъ разбиваться мало-по-малу городъ Темешваръ.

Въ XV и XVI вѣкахъ вся Южная Венгрія была ареной войнъ съ турками; здѣсь господствовала въ то же время чума; здѣсь же разразилось и крестьянское возстаніе.

Предводитель крестьянъ, Георгій Дожа, жестоко расправившись съ магнатами и дворянами, подошелъ къ Темешвару. Но здѣсь его банды были разбѣяны, а самъ онъ былъ пойманъ и преданъ мучительной казни. Его посадили на раскаленный тронъ и на голову надѣли раскаленную желѣзную корону.

На мѣстѣ этой казни теперь стоитъ статуя Дѣвы Маріи, а прилегающая улица носитъ названіе «улицы Дожа». Здѣшніе крестьяне чтутъ Дожа, какъ святого мученика.

Въ серединѣ XVI столѣтія Темешваръ былъ осажденъ турками. Комендантъ Темешвара Лошонци храбро и умѣло оборонялъ городъ, но голодъ принудилъ его къ сдачѣ. Турки заняли всю Южную Венгрію и господствовали здѣсь 164 года.

Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ освободить Южную Венгрію, только принцу Евгенію Савойскому удалось въ 1716 году взять штурмомъ Темешваръ и освободить отъ турокъ весь край.

Въ 1717 году австрійское правительство назначило губернаторомъ Южной Венгріи графа Мерци, который дѣятельно и неутомимо приводилъ этотъ край въ порядокъ. Заселялъ покинутыя во время войнъ мѣста выходцами изъ Франціи, Германіи и Испаніи; поощрялъ земледѣліе и промышленность; осушалъ болота — словомъ вернулъ жизнь заброшенному краю, который природой награжденъ многими естественными богатствами.

Но этому культуртрегеру мадьяры ставятъ большой упрекъ за то, что онъ старался все онѣмечивать.

Въ XIX столѣтіи Темешваръ, какъ городъ, развивался очень медленно. Австрійцы устроили здѣсь первоклассную крѣпость, которая запирала пути, идущіе съ юга и востока къ Будапешту.

Болота, нездоровый климатъ и постоянно господствовавшій здѣсь лихорадки сдѣлали эту крѣпость какъ бы мѣстомъ ссылки для провинившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Коменданты крѣпости старались улучшить положеніе гарнизона: рыли осушительныя каналы и насаждали парки. Въ Темешварѣ въ настоящее время четыре парка и всѣ они насажены руками солдатъ.

С. Плехановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

